

Начало августа, палящее солнце.

В двухэтажном домике в поселке Люнань на журнальном столике в главной комнате лежало темно-красное уведомление о зачислении. Кондиционер не работал, было душно, как в пароварке. В гостиной царила тишина, никто не разговаривал. В этой спокойной, безмолвной атмосфере и радость Кан Яня, получившего это уведомление, постепенно угасала.

— Дядя, я поступил, — тихо произнес Кан Янь.

На деревянном диване сидел мужчина средних лет — дядя Кан Яня, Кан Айцзюнь. Кан Айцзюнь задумался, уже собираясь что-то сказать, как первая заговорила Ван Цуйпин, сидевшая на соседнем одноместном кресле:

— Да всего лишь техникум. По-моему, неважно, учиться или нет. Да еще и в Пекин собрался — там же сколько все дорого. За три года учебы неизвестно, сколько денег уйдет. Три года тебя зря кормили, никакой пользы. Еле-еле восемнадцать исполнилось, и опять из моего кармана тянешь. Неужели наша семья в прошлой жизни должна была тебе?

Ван Цуйпин говорила все громче, разгораясь.

Кан Янь опустил голову, лицо его побелело, на лбу выступил пот. Он прикусил губу, набрался смелости и посмотрел на дядю:

— Перед смертью бабушка оставила вам тридцать тысяч...

— О, так ты и про тридцать тысяч знаешь? А три года тебя кормили — что, ветром питался и воздухом? Сейчас вспомнил про тридцать тысяч — давно уже потрачены! — Ван Цуйпин отмахнулась, давая понять, что ни копейки не даст.

Кан Айцзюнь взглянул на покрасневшие глаза Кан Яня, немного подумал и спросил:

— А сколько стоит обучение?

— Кан Айцзюнь, это еще что значит? Ты правда собрался его учить оплачивать? — всполошилась Ван Цуйпин.

Кан Янь поспешил ответить, боясь упустить шанс на учебу:

— Восемь тысяч в год.

— Что ж, восемь тысяч так восемь тысяч. Ребенок поступил... — скрепя сердце сказал Кан Айцзюнь, но не успел договорить, как жена рядом вскочила и начала его толкать, приговаривая:

— Кан Айцзюнь, ты чего тут героем строишься? Наша Линлин в следующем году тоже гаокао сдает, учится она отлично, учитель говорит, в Цинхуа или Бэйда без проблем поступит. Если ты сейчас этому должнику дашь, нашей дочери в следующем году что есть-пить?

Кан Айцзюнь успокоил жену, нахмурился и грубым голосом сказал:

— Я и забыл про это. Ну... тогда я оплачу первый год. Только восемь тысяч. Остальное сам смотри. Тебе уже восемнадцать, ты уже взрослый.

— Понял, — кивнул Кан Янь, поспешно схватил со стола уведомление о зачислении и вернулся

в свою маленькую комнату.

В комнатке было лишь одно маленькое окошко, выходящее на дворовой туалет. Открыть — запах, не открыть — невыносимая духота. Но Кан Янь не обращал на это внимания. Сидя на краю кровати, он с любовью и волнением гладил лежавшее у него на коленях уведомление.

Бабушка, я поступил.

Медленно произнес Кан Янь в душе.

Самодельные сельские дома плохо держали звук, издали еще доносились голоса Ван Цуйпин и Кан Айцзюня.

— Вот выскочка! Эти восемь тысяч сам и плати!

— Тридцать тысяч, что мама оставила, еще не все потрачены. Мы же говорили, эти три года Кан Янь на каникулах подрабатывал, деньги приносил. Всего один год, потом за него не будем отвечать, разве нет? Если бы не мой младший брат тогда по блату устроил меня на электростанцию, не было бы у меня всего этого... Считай, долг отдаю...

Ван Цуйпин все еще была вне себя:

— Только восемь тысяч, больше ни копейки не давать.

— Не дам, не дам, — поспешно заверил ее Кан Айцзюнь.

В маленькой комнатке Кан Янь тихо вздохнул с облегчением. Если бы тетка уперлась и не разрешила ему учиться, все бы рухнуло.

Под вечер вернулась с занятий на подготовительных курсах в уезде Кан Лин. Едва переступив порог, она крикнула:

— Мама, как жарко! Нельзя было кондиционер включить? Невыносимо! Арбуз есть? Хочу холодненький.

— Мы с папой дома — нам не жарко, электричество зря тратить. Тебе жарко — сама включи. Арбуз есть, утром папа свежий купил, из холодильника достань, пусть немного постоит, потом ешь... — болтовня Ван Цуйпин была переполнена материнской любовью.

Но Кан Лин раздражала мамина суета. Она сначала включила кондиционер, постояла под холодной струей и капризно сказала:

— Мама, нарежь мне, я умираю от жары.

— Хорошо, хорошо, — с готовностью согласилась Ван Цуйпин.

В глазах Кан Яня мелькнула зависть. Кан Лин заметила это и, увидев лицо Кан Яня, красивее, чем у многих девушек, тут же почувствовала ревность. Нарочито мило рассмеявшись, она стала саджяо перед матерью на кухне во дворе:

— Мама, мои одноклассницы говорят, платье, что ты мне купила, просто супер! Сегодня все мне завидовали. Спасибо, мама!

— Ты у мамочки самая любимая. Платье — лишь бы тебе шло и нравилось, — обрадовалась Ван

Цуйпин, совсем забыв, как дочь выпрашивала его, а она ворчала, что дорогое — летнее платье, а стоит двести юаней!

Кан Лин накухне еще немного поласкалась перед Ван Цуйпин, и в конце, думая о Кан Яне, у которого нет ни отца, ни матери, наконец удовлетворилась. Кухонные испарения были слишком сильны. Ван Цуйпин, развеселенная дочерью, приготовила еще одно блюдо.

На ужин была жидкая каша из маша с гарниром, Ван Цуйпин специально приготовила на пару рыбу.

— Линлин, кушай больше, рыбу тебе купили — для мозгов. Как успехи в учебе? — Ван Цуйпин накладывала дочери рис, но, увидев садящегося за стол Кан Яня, снова нахмурилась:

— Кан Янь поступил в какой-то пекинский техникум.

Кан Янь, уткнувшись в тарелку, ел овощи и не возражал.

— Это техникум повышенного уровня, — честно поправил Кан Айцзюнь.

Ван Цуйпин бросила на него сердитый взгляд. Кан Лин фыркнула и свысока заявила:

— Мама все правильно сказала. Техникум повышенного уровня — какая это учеба? Почти то же самое, что и ПТУ. Там всякий сброд собирается, отбросы с отбросами и вождаются.

Слова были очень обидные, но супруги сделали вид, что не слышат. Ван Цуйпин даже весело рассмеялась:

— Наша Линлин — другая. В будущем она станет талантливой студенткой Цинхуа или Бэйда, вся семья Канов будет на нее рассчитывать.

Выражение лица Кан Айцзюня тоже смягчилось:

— Учись хорошо. Что захочешь — маме скажи.

— Не волнуйтесь, мама, папа. На последних экзаменах за семестр я была первой в школе. Учитель сказал, если так держаться, в следующем году точно все получится, — уверенно заявила Кан Лин, бросая взгляд на молча сидящего напротив и опустившего голову Кан Яня. В душе она фыркнула: что толку, что Кан Янь красивый? Учится плохо, в будущем в обществе будет только кирпичи таскать и черную работу выполнять. А она будет в офисе сидеть.

Ежедневно поиздевавшись над Кан Янем, Кан Лин успокоилась.

После ужина мать с дочерью сели в гостиной смотреть телевизор, Кан Айцзюнь вышел на прогулку, а Кан Янь по привычке собрал со стола посуду и понес мыть на кухню.

Глядя на спину Кан Яня, Кан Лин злобно подумала, что ему самое место тарелки подносить.

Закончив с уборкой, Кан Янь вернулся в свою маленькую комнату. В семье Канов он жил как невидимка уже три года. Родители умерли, когда ему было два года, потом он жил с дедушкой и бабушкой в деревне. В шестом классе дедушки не стало, и с тех пор он остался с бабушкой.

Так продолжалось до девятого класса, когда бабушка скончалась от болезни. Она, экономившая на всем, оставила тридцать тысяч дяде, чтобы тот вырастил его. Кан Янь плакал так, что чуть не потерял сознание. С детства деревенские ребяташки дразнили его бедолагаем,

несчастливым. Только дедушка с бабушкой относились к нему по-доброму. И вот не стало единственного родного человека.

Морщинистая, почерневшая рука бабушки Кана с нежностью гладила голову Кан Яня, дрожащий голос произнес:

— Канкан, ты в будущем обязательно хорошо учишься, обязательно поступи. — А затем обратилась к старшему сыну, сжимавшему в руке тридцать тысяч:

— У твоего младшего брата всего один ребенок. Твоя теперешняя должность бригадира на заводе, это железная рисница, которую твой брат купил для тебя за деньги. Все эти годы мы с дедушкой ни разу не просили у тебя денег на его содержание. Я уже не жилица, беспокоюсь только за Канкана. Если он поступит, ты оплати ему учебу, а то я и с закрытыми глазами не усну...

— Мама, мама, я понял, не волнуйся, — Кан Айцзюнь чувствовал себя виноватым. Он был не шибко способным, не таким пробивным, как младший брат. Бригадиром на электростанции проработал лет десять, государственное предприятие, железная рисница. В свое время младший брат заплатил три тысячи, чтобы его устроили.

Три тысячи тогда и сейчас — небо и земля.

Получив заверения, бабушка Кан, глаза уже мутные, почти ничего не видящие, все равно не могла успокоиться за Канкана. Горькая у ребенка судьба. Невестка в семье старшего сына — стерва сварливая. Как он будет жить, когда ее не станет?

— Ба... Бабушка...

Кан Янь проснулся от кошмара. В темной комнате через маленькое окошко пробивался луч света. При его свете было видно, как Кан Янь в майке сидит на узкой кровати, выпрямившись. Кожа его даже ночью отливала белизной, весь лоб был в холодном поту, персиковые глаза блестели от влаги. Вспоминая бабушку из сна, Кан Янь почувствовал тоску в сердце. Он вытер пот, достал из тумбочки уведомление о зачислении.

Бабушка, я поступил. Я буду хорошо жить.

Все китайские имена и названия согласованы с глоссарием. Непереведенное слово вести себя по-детски, капризничать, льстить в речи Кан Лин оставлено как есть, так как это устойчивое понятие в контексте китайской культуры, описывающее специфическое поведение.

<http://bllate.org/book/15594/1390241>